

Сиверцев Евгений Юрьевич

ИСТИНА. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Произнося выражения, приписывающие истинность какому-либо высказыванию (например, "Высказывание "Человек есть прямоходящее существо" истинно"), мы акцентируем свое внимание на прилагательном "истинное", а глаголу "быть" приписываем вспомогательную функцию, оставляя за ним роль лишь связки. Этим приписыванием мы игнорируем то обстоятельство, что в истину как осуществление вплетается истина как существование. Подобное неразличение создает серьезные проблемы в теории познания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 177-179. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 130.11

Философские науки

Произнося выражения, приписывающие истинность какому-либо высказыванию (например, «Высказывание “Человек есть прямоходящее существо” истинно»), мы акцентируем свое внимание на прилагательном «истинное», а глаголу «быть» приписываем вспомогательную функцию, оставляя за ним роль лишь связки. Этим приписыванием мы игнорируем то обстоятельство, что в истину как осуществление вляется истина как существование. Подобное неразличение создает серьезные проблемы в теории познания.

Ключевые слова и фразы: истина; верификация; критерий истины; осуществление; существование.

Сиверцев Евгений Юрьевич, к. филос. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Emden1914@mail.ru

ИСТИНА. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Впервые слово «истина» появляется в философском контексте в учении Парменида. Его истина – это то, что «есть и что невозможно не быть» [7, с. 287]. Постигается истина разумом и только им. Также Парменид является первым из известных нам европейских мыслителей, обратившихся к проблеме факторов, препятствующих познанию истины. Он указывает один фактор: наше доверие органам чувств. По словам Секста Эмпирика, Парменид полагает: «нужно придерживаться не чувственных восприятий, но разума (λόγος)» [5, с. 83].

Альтернатива, указанная Парменидом, на многие века стала доминирующей в теории истины. А именно: могут ли органы чувств искажать информацию о сущем, если могут – то до какой степени, и каким образом должен действовать разум, чтобы сформировать истинное знание. Мыслители очень разной направленности – от софистов, стоиков, номиналистов, агностиков, с одной стороны, до Платона, Аристотеля, реалистов, рационалистов – с другой, – сходились в одном – во мнении о том, что искажение истины может происходить на этапе ее преобразования из чувственного представления в интеллектуальный образ. Даже «коперниканский переворот» Канта в этом смысле ничего не добавил: с одной стороны, есть материя ощущений, с другой – априорные формы чувственности, которые ее систематизируют и предоставляют интеллекту.

Серьезные изменения произошли только в период т.н. «лингвистического поворота» (20-е годы XX века). Под «лингвистическим поворотом» подразумевается взгляд, «согласно которому философские проблемы могут быть решены (или элиминированы) либо путем реформирования нынешнего языка <...>, либо путем его лучшего, более адекватного понимания...» [1, с. 233]. Однако «улучшение» и «очищение» языка проводилось, как правило, поиском эффективных методов остенсивного прояснения значения слов (логический атомизм Б. Рассела, идеи Витгенштейна времен «Логико-философского трактата»), а также более правильного разделения высказываний на аналитические и синтетические.

Как нам представляется, вопрос об этимологических корнях проблемы истины пока явным образом не ставился. А это ведет к тому, что остается сокрытым немаловажный фактор – один из тех, что препятствуют постижению истины. Чтобы этот фактор раскрыть, нужно философские поиски дополнить информацией, предоставляемой лингвистикой.

Весь европейский мир говорит на языках одной языковой группы – индоевропейской [4] (есть еще и финно-угорская группа, но ее роль невелика).

По этимологии слова «истина» индоевропейские языки (по крайней мере, те из них, что серьезно повлияли на становление европейской мысли) можно разделить на две группы. Первая группа будет у нас представлена древнегреческим языком. Истина по-древнегречески – «ἀλήθεια». Образовано слово корнем «ἀλθ-» – что означает «скрытый», «скрыто», и отрицающим префиксом «ἀ-» [2, с. 52]. Буквальное значение данного слова – «раскрытость, доступность человеческому рассмотрению чего-то, ранее скрытого, недоступного» [8, с. 351-360]. Из этой этимологии следует, что истина сама по себе не существует, существует некое положение вещей, на данный момент скрытое от человеческого взора (как физического, так и мысленного), но могущее быть раскрытым.

Вторую группу представим латынью, германскими и славянскими языками. Латинская «veritas» в своей основе имеет прилагательное «verus», что в первоначальном смысле значит «подлинный», «настоящий» («Verus amicus amici nunquam obliviscitur» – «настоящий друг никогда не забывает друга») [10, S. 825]. Немецкая «Wahrheit» этимологию имеет схожую. «Wahr» первоначально означает не столько «истинный», сколько «подлинный», «настоящий», синонимами «wahr» являются слова «tatsächlich» – «фактически», «wirklich» – «действительно». Примерно такая же картина в русском и других славянских языках. Праславянское «исто» означает «настоящий», «существующий» [6, с. 318].

Видим, что во второй группе слово «истина» происходит в конечном счете от основы «есть», «существует», «действительно». Значит, истина – это то, что есть само по себе, то, что имеется в наличии, существует, будучи совершенно независимым.

Так исторически сложилось, что Европа начала мыслить сразу на двух языках: греческом (в нем истина осуществляется) и латинском (в нем истина существует). Созданный этими двумя языками способ осмысления истинности весь был проникнут своеобразным расколом, причем – на беду Европы – не отрефлексируемом в его качественных особенностях.

Следствия подобного «двуязычия» многообразны, одно из них – наличие двух способов понимания онтологического статуса истины.

Первый способ назовем «истина как *существующее*», второй можно назвать «истина как *осуществляющееся*».

Истина как *существующее* – это некая субстанция, бытие которой самостоятельно и ни от чего не зависит. В том числе не зависит от субъекта познания – будь то животное, человек, общество или даже некое сверхъестественное существо, наделенное способностью познания. В качестве примера можно привести бытие в версии Парменида [7, с. 290-291], неизменное сущее Платона, Бога монотеистических религий.

Истина как *осуществляющееся* – это некая появляющаяся в мысли информация. Информация – такова уж ее природа – говорит не за самое себя, а говорит о чем-то, этой информации внешнем. Примером может быть любое направление традиционного эмпиризма: эмпиризм ищет истину в предметах или явлениях, существующих самостоятельно, но не являющихся истиной как таковой.

Различны пути постижения истин. Истина *существующая* постигается либо логическим путем (именно так постигается бытие Парменида и неизменное сущее Платона), либо интуицией (Бог в некоторых теологических концепциях или мир в интуитивизме [3]).

Истина *осуществляющаяся* появляется в процессе эмпирического знакомства с изучаемым предметом. Это знакомство может быть дополнено и логикой, и фантазией, однако главное здесь – переход чувственных данных в мысленные образы. Как *осуществляющаяся* истину постигают большинство направлений эмпиризма и позитивизма [1, с. 178-181].

Теперь обратим внимание на очень важное событие, произошедшее более двух тысяч лет назад. Началось это в поэме Парменида, а окончательно оформилось у Аристотеля: истина обзавелась очень важным свойством – возможностью либо быть каковой, либо не быть таковой. Любое осмысленное высказывание может являться либо истинным, либо ложным – *tertium non datur*. Введением данного разделения истина как *осуществление* приписывает себе свойство быть истиной как *существование*. С этого события начинается процесс смешивания двух видов истины.

Процесс этот далеко не завершен, но в нынешние времена картина выглядит так. С одной стороны, истинное высказывание – это нечто существующее, существующее как единство говорения и субстанциональности. Во всех европейских языках имеется выражение «быть истинным». В практическом применении это выражение используется в форме «есть истинно» (««Высказывание $2 + 2 = 4$ » есть истинно»). С другой стороны, истинное высказывание – это нечто осуществляющееся, говорящее о том, чем оно само не является и что приводится к данному (называемому высказыванием) качеству самим событием осуществления высказывания.

Следствием указанного смешения истины как *существующего* и истины как *осуществляющегося* много. Одним из них является проблема *критерия истины*.

Что является критерием истинности высказывания? Ответ на этот вопрос зависит от концепции истинности [9, с. 12-34], однако в любом случае, чем бы он не был, он есть, он существует. Но анализ существования критерия истины приводит к двум проблемам. Первая проблема касается формы существования критерия истины: с одной стороны, есть критерий, существующий во *внеязыковой* форме (как наше восприятие положения вещей, результата действия, связанности предложений текста и т.п.), – в этом случае он является тем, что *конституирует* истину, сам будучи не ей и вне ее; с другой стороны, есть критерий, существующий в языковой форме (он легитимирует право высказывания о положении вещей на истинность), и в этом случае он является *субстанцией истинности*. Вторая проблема проистекает из того, о чем мы начали наш разговор – *существования* и *осуществления* истины. Если истина *есть* – то никаких дополнительных критериев не требуется: существующее не нуждается в критерии своего существования. Предмет сам удостоверяет себя в своем бытии. Внешнее удостоверение будет иным, внешним ему предметом – самостоятельным. Нужно будет устанавливать между ними связь, которая тоже будет предметом и т.д. Если же истина *осуществляется*, то критерий будет чем-то внешним этому процессу осуществления – именно потому, что осуществление – это процесс, а критерий – это нечто осуществившееся, ставшее, неподвижное, неизменное.

Постепенное, порой нерефлексивное осознание подобного затруднения ведет к происходящему в современной философской мысли поэтапному отказу от попыток найти критерий истины в самой связке «высказывание – высказываемое». Т.е. происходит отказ от эмпиризма во всех его версиях – от наивного сенсуализма до эмпиризма Венского кружка. При этом рационализм востребованным не оказывается. Философия пытается искать социальные, политические, психологические, лингвистические и т.п. факторы, находящиеся вне связки «высказывание – высказываемое», но активно влияющие на процесс отбора высказываний, приписывания им истинного или ложного значения.

Список источников

1. Аналитическая философия. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. 622 с.
2. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 1371 с.
3. Лосский Н. О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. 208 с.
4. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Либроком, 2009. 512 с.
5. Секст Эмпирик. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 399 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: АСТ, 2009. Т. 2. Е-Муж. 671 с.
7. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. I. 586 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
9. Чудинов Э. М. Природа научной истины. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 312 с.
10. Walde Alois. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1910. 1074 S.

TRUTH. LINGUISTIC ASPECT OF THE PROBLEM

Sivertsev Evgenii Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg University
Emden1914@mail.ru

When making utterances, which ascribe truthfulness to a certain statement (e.g. "The statement 'Man is an upright creature' is true"), we tend to focus on the adjective "true", while treating the verb "to be" as mere auxiliary and interpreting it as no more than a link. Such interpretation results in ignoring the fact that truth as realization gets complemented by truth as existence. This lack of differentiation leads to serious problems in the theory of cognition.

Key words and phrases: truth; verification; criterion of truth; realization; existence.

УДК 94(47+57)«1920/1930»

Исторические науки и археология

В статье в рамках концепции социотехнического воображаемого анализируется отношение большевистской власти к технике и ее пропаганде. Перечислены основные причины важности развития науки и техники для лидеров страны в 1920-х гг., показаны главные особенности ее представления населению, а также причины, препятствовавшие принятию технократических идеалов обществом. Автор приходит к выводу, что одной из ключевых причин неуспеха реализации смелых технических проектов, инициированных властью, являлось культурное сопротивление части общества, вызванное технической отсталостью и неграмотностью.

Ключевые слова и фразы: социотехническое воображаемое; технократическая утопия; пропаганда техники; исследования науки и технологий.

Сидорчук Илья Викторович, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
chubber@yandex.ru

**ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ И БУКОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
БОЛЬШЕВИКИ, ТЕХНИКА И ОБЩЕСТВО 1920-Х ГГ.**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00799.

Большевистская революция стала началом реализации прежде невиданных по масштабам и смелости проектов не только в области социально-экономической и политической, но и культурной реальности, важной частью которой является техника. Для нового руководства страны развитие науки и техники являлось важной частью конструируемой им утопии, в связи с чем пристальное внимание уделялось формированию того, что Шэйла Ясановф обозначила как «социотехническое воображаемое» – коллективно разделяемые представления о формах социальной жизни и социального порядка, отраженные в конструкции и исполнении национально специфичных научных и технологических проектов [21, р. 120]. Идея важности развития науки и техники была заложена уже создателем марксистской теории. К. Маркс был сторонником технологической утопии, связывал ее успехи с успехами революции. Он полагал, что наука и демократия являются руками, которые позволят перейти из царства необходимости в царство свободы. Прогресс науки и техники, по К. Марксу, способствовал делегитимации власти царей и Христианской церкви, и задача пролетариата заключается в том, чтобы увеличить сумму производительных сил [20, р. 148-149].

Взгляд на технику как на необходимое условие построения социализма и коммунизма в Германии полностью принимался большевиками для его построения в России. После 1917 г. в России именно власть, последовательно реализуя идеи своих немецких учителей, являлась главным инициатором ее развития, направляя свои усилия на индустриализацию, экономическое и научное развитие, технический прогресс. Исследователи подчеркивают наличие некоего «культы машины», популярность тейлоризма и фордизма среди большевистских лидеров, стремление уподобить жизнь строителей коммунизма работе хорошо отлаженной машины [23, р. 145-149]. Инженерия нового мира подразумевала создание подлинной наукократической утопии. И с той же верой, какая существовала в отношении мировой революции, новая власть принялась реализовывать ее на практике, полагая технический прогресс высшей формой цивилизации [22, р. 19]. Можно выделить несколько причин подобного отношения к технике.

Развитие техники, согласно марксизму, представлялось необходимым условием освобождения эксплуатируемых капиталом рабочих. Власть устами своего лидера В. И. Ленина декларировала: «Все, что завоевала человеческая наука, человеческая техника, все усовершенствования, все знания специалистов, – все должно пойти на службу объединенному рабочему» [Цит. по: 1, с. 20]. В буржуазных обществах техника